

Пономарев Лев. Он запомнился человеком думающим

Со Стасом я познакомился лет пять назад, году в 2004-м.

Станислав никогда не был сотрудником нашей организации². Я предоставил ему бесплатно помещение для работы, когда узнал, что он не может арендовать офис на коммерческих условиях. Комнатка была маленькая и не вполне пригодная для открытия адвокатского кабинета, они обычно более солидно выглядят. Это было просто рабочее место, рабочий кабинет, где сидели Стас и один его помощник.

Мы часто общались – он заходил, здоровался, что-нибудь рассказывал мне, а я – ему. Обычного человеческого общения мало было, я сейчас об этом жалею. Чаше он описывал обстоятельства дела, которое вел, или я предлагал ему войти в качестве адвоката в дело, которым занималось Движение за права человека.

До того я слышал о нем в связи с конфликтом вокруг дела Буданова, которым занимались Комитет «Гражданское содействие» и ПЦ «Мемориал». У меня сложилось смутное ощущение, – детально не разобрался, – что конфликт с другим представителем потерпевших, чеченским адвокатом Абдуллой Хамзаевым, возник из-за столкновения разных стратегий защиты. Кто-то пригласил Маркелова, их позиции сразу разошлись, и Станислав отступил. А еще Хамзаев хотел быть главным и единственным в процессе, и его поддержала Светлана Ганнушкина – не хотела обижать. Вскоре Хамзаев не смог вести дело³, и Станислав взял на себя помощь потерпевшим под конец процесса и потом, когда Буданова уже посадили.

1 Докка Ицлаев, руководитель Урус-Мартановского отделения Правозащитного Центра «Мемориал»

2 Всероссийское Движение за права человека, создано в 1997 г., исполнительный директор Лев Пономарев, включает около 80 региональных организаций и отделений.

3 Хамзаев тяжело болел, умер в июне 2004 г.

В том, что он вторично дал свое согласие, по-моему, проявилась его терпимость, и это характеризует его как личность. Другой адвокат, если бы от него отказались в конфликтной ситуации, «встал бы в позу» и отклонил бы приглашение вернуться. А Станислав в позу

редко вставал, – он был принципиален, мог спорить, стоял на своем, но на личной обиде не заикливался.

Зная, что он занимался «чеченскими» делами, я пригласил его работать по Благовещенску после того, как правозащитники вмешались в ситуацию вокруг зачистки с избиениями и незаконными задержаниями в декабре 2004 года. Уже не помню, как получилось, что именно он стал вести это дело. Вероятно, у нас не так много правозащитных адвокатов – начинают перебирать, выходит небольшой круг.

Станислав привлек еще одного адвоката, Василия Сызганова. Тот помогал Маркелову, когда тот был занят и не мог ездить в Башкирию. Работа велась в Благовещенске, в нескольких десятках километров от Уфы. Надо было лететь, надо было, чтобы кто-то его встретил. Часто Стаса забывали встретить. Командировки случались очень утомительными, и уж точно никаких «гор золотых» не сулили.

Я нашел деньги для гонорара. Я не помню подробностей, помню, искал средства долго, что-то платил из своих грантов, обращался в фонд Натальи Таубиной «Общественный вердикт». Нельзя сказать, чтобы Стас совсем не интересовался деньгами. Но «правозащитные» адвокаты зачастую готовы войти в дело, если их работа может быть оплачена позже. Он был из таких.

Иной раз думают, будто в таких делах адвокаты «гребут золотые горы», но речь шла о весьма скромных суммах, выплаты были растянуты во времени: мы работали по делу больше года, может, два. «Вердикт» оплачивал услуги одного адвоката, сначала рекомендовал свою кандидатуру, но с этим юристом возникли затруднения из-за его специализации в гражданском, а не уголовном праве.

Но «Вердикт» утверждал, что услуги Стаса слишком дороги по сравнению с их обычными гонорарами адвокатам. На мои просьбы о деньгах для него отвечали буквально: «А он и так имеет достаточно». Я же не занимался финансовыми вопросами! Ни в тот момент, ни когда-либо больших денег у Стаса не было. Он сначала работал бесплатно, а уже после выполнения работы пытался что-то компенсировать. Он мог напомнить позже, но это нормально – у него ведь семья.

По Благовещенску мы сначала работали по правозащитной линии: собрали заявления, сформировали досье. Мы провели в Благовещенске не менее четырех пресс-конференций.

Стас опрашивал потерпевших на месте. Деталей не знаю, – это он занимался деталями, я следил за общим ходом дела, старался помочь при необходимости.

Маркелов не поддавался давлению, с которым столкнулся, хотя не могу говорить о прямом запугивании. Двоих из троих башкирских правозащитников подкупили, они стали работать против нас: ходить по родственникам, посулами убеждая тех отказаться от исков: кому-то обещали помощь в поступлении в вуз, кому-то – квартиру. Стас эти попытки подкупа разоблачил, поставил меня в известность, тогда я активно вмешался.

Мы дали в прессу информацию о предательстве прав потерпевших, о работе на власть. Один адвокат остался с нами, продолжал помогать Маркелову, встречал его там.

После возбуждения уголовного дела, когда мы добивались признания виновными милиционеров и происходили очные ставки, напряжение возросло. Как раз в это время там работал Маркелов. Власти пытались разделить уголовное дело, отделить милицейское начальство от исполнителей, которым могло быть предъявлено обвинение в избиении граждан. В итоге, несмотря на все усилия Стаса, руководство башкирского ГУВД фактически ушло от ответственности, удалось лишь добиться осуждения некоторых виновных в произволе милиционеров. У Маркелова были правовые аргументы для отстаивания нашей позиции, в чем-то он добился успеха, в чем-то он проиграл.

Главное – Стасу удалось получить секретный приказ по МВД, регламентирующий действия при «чрезвычайных ситуациях»¹ (*1 Приложение № 1 к приказу МВД России от 10 сентября 2002 г. № 870 дсп «Наставление по планированию и подготовке сил и средств органов внутренних дел и внутренних войск МВД России к действиям при чрезвычайных обстоятельствах»*). Власти предприняли попытку возбудить против него самого уголовное дело, вызвали на допрос, и он заявил, что самолично, как адвокат, сфотографировал приказы в уголовном деле. На самом деле, это не совсем так было, Стас отказался сообщить источник разоблачения, взял на себя ответственность за легализацию этого документа. А когда Маркелов этот Приказ с грифом ДСП легализовал в качестве доказательства стороны защиты для суда, властям некуда было деться: документ был налицо. Уголовное дело против него в итоге было закрыто.

Мы попытались что-то предпринять для отмены 870-го приказа. По итогам консультации с правозащитниками с участием местных чиновников омбудсмен Владимир Лукин сделал запрос по поводу этого приказа. Был получен официальный ответ – чиновники не отрицали существование такого приказа, но утверждали, что приказ не нарушает права человека. Потом в него внесли косметические изменения, прислали отредактированный документ: вместо «фильтрационный пункт» было написано: «места временного содержания задержанных при операции» и так далее. Но подправленный приказ оставлен в действии. Впрочем, это уже была задача Лукина, он не довел дело до конца, не обеспечил отмену 870-го приказа. Посадить главных виновников благовещенских событий Стас, может, и не ставил своей обязательной целью, для него было важнее добиться ликвидации такого приказа.

Когда процесс вошел в затяжную стадию, Стас уже отошел от этой работы, его мог заменить местный адвокат.

Хочется вспомнить о другом деле, в которое Маркелов вошел легко и охотно, хотя гонорар был совсем копеечным. В 2004 году власти первый раз пытались посадить правозащитницу из Владимира Людмилу Ярилину, которая до 2009 года возглавляла тамошний Комитет солдатских матерей, а Стас был ее адвокатом. Она рекомендовала матерям призывников, которые к ней обращались, прибегать к помощи врачей. Прокуратура возбудила уголовное дело против Ярилиной и врача. Но ведь она не отвечала за взаимодействие родителей с врачами, ни за действия тех и других, ни, тем более, за медицинские заключения. Фон в

СМИ был негативный, сообщения были отрывочные и скудные, у читателя могло сложиться впечатление, что Ярилина причастна к даче взятки, хотя никакого отношения к деньгам она не имела.

Несмотря на неблагоприятную общественную атмосферу, Маркелову отчасти удалось ее защитить. Стас старательно работал, использовал все свои знания, твердо отстаивал позицию отрицания личной заинтересованности подзащитной – в этом был адвокатский профессионализм. Возможно, он сочувствовал Ярилиной как правозащитнице, я уверен, что он не взялся бы какого-нибудь убийцу защищать. По этому делу она все-таки получила условный срок.

Но уже после гибели Стаса, в январе 2009 года, было возбуждено второе дело, и ее арестовали – при том, что у нее диабет и гипертония. Ее выпустили под наше с Людмилой Алексеевой поручительство. Ее защищает адвокат Василий Сызганов. Но в этом втором процессе Ярилиной никаких денежных вопросов не инкриминируют.

Одним из последних было дело о незаконных действиях сотрудников милиции против молодых неформалов, собиравшихся у метро Сокольники в апреле 2008 года¹ (1 4 апреля 2008 года у ст. метро «Сокольники» были задержаны и избиты семеро мол - дых людей. Уголовное дело против избивших милиционеров несколько раз возобновлялось и приостанавливалось. Против студента Всеволода Остапова было возбуждено уголовное дело по обвинению в нападении на сотрудника милиции. С. Маркелов был адвокатом Остапова.). Потерпевшие вышли сразу на него и на меня, нам одновременно звонили, когда их в ОВД «Сокольники» избивали. Поначалу я даже не знал, что Стас вошел в это дело. Я привлек адвоката Евгения Черноусова к защите избитых милицией, а потом узнал, что студента Остапова, которого необоснованно обвиняли в нападении на сотрудника правоохранительных органов, защищает Стас. Ему, оказывается, тоже ночью позвонили, и он прямо по телефону включился. Остальных избитых милиционерами не обвиняли, они выступали в своем деле как потерпевшие. Так как интересы и тактика защиты потерпевших и неправоммерно обвиняемого различны, то решение об участии двух адвокатов оказалось правильным.

Дело против милиционеров, возбужденное по ст. 286 УК РФ, часть а: «превышение служебных полномочий с причинением насилия» прекращено. Дело Остапова до сих пор не закрыто¹ (1 17 февраля 2010 г. Преображенский районный суд г. Москвы приговорил Остапова к году лишения свободы условно.).

По тактике сокольнического дела у нас со Стасом возникли небольшие трения. Он не торопился, а я доказывал необходимость самых срочных действий. Нужно было как можно скорее возбудить дело по превышению полномочий, ведь само возбуждение уголовного дела уже ставило под сомнение обвинение против Остапова. Я ввел в дело другого юриста, которого вроде бы знал раньше по нескольким делам, и сразу понял ошибку.

Приглашая адвоката, не знаешь, окажется ли правильным выбор кандидатуры и насколько опасна ошибка для подзащитных. К нам пришли за срочной помощью родители Всеволода, и мы сделали выбор поспешно. Я нашел адвоката, чтобы использовать его в процессе. А потом

оказалось, что тот знаком со следователями и действует в интересах ОВД.

Когда убили Стаса, власти попытались воспользоваться моментом, и его подзащитного «дожать», сделать виновным в нападении на милиционера. Действовали быстро, при этом всячески тормозя рассмотрение дела, которое вел Черноусов, чтобы добиться судебного признания виновности подозреваемого в нападении на милиционера и потом «отбивать» в суде позицию по превышению служебных полномочий в отношении пострадавших от действий милиции.

Насколько же не заслуживает доверия наша адвокатская среда! Новый адвокат немедленно пошел на сговор со следователем, и мне пришлось его вывести.

Сейчас, насколько можно судить, адвокаты ведут единую линию защиты.

Наше со Стасом сотрудничество имело еще одно направление – работу с левыми активистами по социальной тематике, самым заметным итогом которой стали проведенные в 2005 году первый, а в 2006 году второй Российские социальные форумы. Какое-то время я, единственный из правозащитников, довольно много работал по социальной тематике в тесном контакте с левыми активистами.

Тогда я мало что знал об убеждениях Стаса, не догадывался, что он социалист, – практически, революционер. Сталкиваясь с пострадавшими от произвола властей левыми активистами, я удивлялся, что Стас с ними по-дружески знаком. Мимо меня прошла ключевая роль Стаса в «краснодарском» деле анархистов, – я этим делом детально не занимался. По этому делу, которое ФСБ вела с грубейшими нарушениями, в 1999 году была осуждена беременная московская активистка Лариса Щипцова (Романова), мать больного пороком сердца ребенка.

С левыми у меня не много было общего, – дорога не была заказана, но мало было взаимодействия. Только потом, когда я больше стал заниматься защитой социальных прав, стали приходить люди из этих кругов.

Первый Соцфорум был в Москве, в Выхино в 2005 году. Подготовка требовала большой работы: мы пытались объединить левых активистов и правозащитников. Я в этом активно участвовал, приглашал правозащитников – такое сплочение рядов крайне важно и нужно, я и сейчас эту линию на взаимодействие продолжаю. Но тогда у меня было больше надежд. Станислав входил в оргкомитет не в адвокатской ипостаси, а как левый активист: на добровольных началах разрабатывал программу, организационной работой занимался.

Мы со Стасом много работали по организации второго Соцфорума, который проходил год спустя в Петербурге. В нем участвовали сотни людей, многие – из регионов. Мероприятие было приурочено к встрече «Большой восьмерки», власти боялись нас и пытались всячески воспрепятствовать нашей работе. Политические лозунги Соцфорума были жестко заявлены как «Антикап». Я добивался, чтобы не было слишком левацкой ориентации, позиционировал себя как правозащитника. В официальном названии: «Второй всероссийский социальный форум» – не было откровенного антикапитализма. Мы стремились продвигать альтерглобализм, – не антиглобализм, а именно, альтерглобализм, другой мир

возможностей. Стас осуществил в вопросе позиционирования посредническую миссию, потому что он сотрудничал со многими левыми, а для меня был и оставался правозащитным адвокатом, а не антиглобалистом или левым активистом. По-моему, политические убеждения не были однозначно с этим связаны. Нельзя было сказать, что он специально выбрал срединную позицию, однако именно так сложилась конфигурация взаимодействия правозащитников с левыми активистами.

В Питере он достойно и содержательно провел еще и собственную секцию по Кавказу.

В какой-то мере заложенное им сотрудничество сохранилось до сих пор, – он передал нам свои связи с левыми активистами.

Сейчас, когда власти сажают профсоюзного деятеля, Валентина Урусова¹, я привлек к его защите адвоката Черноусова и тот втянулся. Стас Маркелов, левый революционер, и Евгений Черноусов, бывший полковник милиции, – абсолютно разные люди! – в двух делах выступили как правозащитные адвокаты. Черноусов заменил убитого Стаса в сокольническом деле. Дело Урусова, несомненно, взялся бы вести Стас, если был бы жив. Теперь Урусова защищает Черноусов.

Когда проводился один из первых съездов Всероссийского гражданского конгресса, значительная часть подготовительной работы осуществлялась в офисе ЗПЧ – Оргкомитет заседал здесь, не было другого помещения. Стас готовил секцию по проблемам Северного Кавказа. Возникло желание объединить его с «Мемориалом». Я уговорил Александра Черкасова вместе со Стасом модерировать кавказскую секцию. Они это сделали, нашли общий язык, хотя достигнуть взаимопонимания было тяжело. Я, как один из организаторов, искал компромисса. Сложно было все это объединить. Много было людей из регионов, которых надо было звать. Оргкомитет ВГК пригласил людей с Кавказа, прежде всего матерей Беслана. За успешную работу я глубоко признателен секции, Стасу и Саше, которые попеременно ее провели.

Я вспоминаю: Стас сидит здесь, работает, к нему один человек зашел, второй, а он мне очень нужен: в приемную приходили советоваться с юристами, сам же я не юрист, а у нас юристами сидят девочки-студентки. Зову: «Стас, зайди на секундочку!» – и он заходил, оторвавшись от своих дел, консультировал, рассказывал, делился своими знаниями. Сейчас спросить некого, дыра образовалась.

Он запомнился человеком думающим. Именно такое, задумчивое выражение лица у него на портрете в офисе нашего движения. Я чаще видел его таким, хотя многие помнят его всегда веселым. Даже анекдоты он рассказывал с задумчивым, отвлеченным видом, – погружен в мысли, а анекдоты травит, чтобы не быть слишком мрачным.

Предпоследний раз мы со Стасом встречались, наверное, 14 января. Когда он объявил пресс-конференцию, я прочитал в «Коммерсанте», что единственный, кто мешает выходу Буданова на свободу – адвокат Станислав Маркелов. Он вечером зашел, я предостерег его: до того Стас руководствовался буквой закона, но в январе 2009 года он не был неоспоримо прав, протестуя против выхода Буданова по УДО, – насколько могу судить, речь шла о

правовой коллизии. Как мне объясняли, спорным был тезис о праве адвоката потерпевших участвовать в судебном заседании по УДО, – это утверждал Маркелов, и оспаривала администрация колонии. Эта юридическая коллизия его «подставляла». Я сказал: «Пойми, на тебя стрелы летят. Стас, понимаешь, что сейчас ты – их персональный враг? Ты один, уже не вообще “право” противостоит, а ты – лично! – против. “Коммерсант” написал: “только адвокат Маркелов препятствует”. Ты должен сейчас опасаться за свою жизнь».

Следующим вечером, в четверг, 15 января, он зашел: «Лев Александрович, Вы правы, я получил вот SMS» – и показал мне эту SMS с угрозой убийства (потом она неоднократно цитировалась). Я говорю: «Понимаешь, что надо ходить и оглядываться?» – как будто почувствовал что-то.

Я поделился с ним опытом, рассказал, как меня выманивали, но я позаботился, чтобы за мной наблюдали, попросил идти сзади. Стас выслушал эти соображения. Недавнее избиение¹, после которого я попал в больницу, убедило меня, что и тогда меня намеревались избить, но не решились.

А в понедельник еду в машине, и мне с «Эха Москвы» звонят, говорят: «Знаете ли Вы, что в центре Москвы...» – отвечаю: «Не может быть!» Мне подтвердили, и попросили комментировать... Я предложил: «Объявите, чтобы завтра в двенадцать часов все собрались к месту расстрела».

И люди пришли.

Версия #1

Зверобой создал 16 апреля 2025 02:05:47

Зверобой обновил 16 апреля 2025 02:13:56